

3.5

332

Е.И.Кукушкина

905
1533a

РУССКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

XIX-

начала

XX

века

32

Ж

Издательство
Московского
университета
1993

ББК 60.5
К 89

Рецензенты:

кандидат философских наук
доцент Л. П. Беленкова,
кандидат философских наук
доцент Л. Б. Логунова

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

Федеральная целевая программа книгоиздания России

Кукушкина Е. И.

К 89 Русская социология XIX — начала XX века. — М.:
Изд-во Моск. ун-та, 1993. — 183 с.
ISBN 5-211-02616-0

Данное учебное пособие представляет собой опыт анализа исторического пути, пройденного русской социологией с момента ее зарождения до конца второго десятилетия XX в. Социология России рассматривается как часть общемирового процесса развития социологического знания. Основное внимание уделено отдельным направлениям и творчеству крупнейших ученых.

Предназначено для изучающих курс истории социологии в университетах, может быть также полезно всем, кто проявляет интерес к отечественной науке и культуре.

К 0302010000(4309000000)—043 4—93
077(02)—93

ББК 60.5

ISBN 5-211-02616-0

© Кукушкина Е. И.,
1993

93-25243

1993

1049

Г. В. Плеханов известен в русской и мировой науке прежде всего как крупный мыслитель-марксист, деятель мирового революционного движения, пропагандист учения Маркса, один из основателей социал-демократической партии России. Его принято считать первым русским марксистом, хотя в этом утверждении содержится лишь доля истины. До него в России уже были ученые и общественные деятели предшествующего поколения, изучавшие труды Маркса, занимавшиеся пропагандой марксизма и успевшие довольно много сделать по части приобщения русской общественности к этой западной интеллектуальной традиции. Плеханова можно считать первым русским марксистом с существенной оговоркой: после Зиберы, Фесенко и некоторых других более ранних последователей учения Маркса он сделал серьезный шаг по пути преодоления того разрыва, который сохранялся между теорией и практикой в деятельности его предшественников.

Г. В. Плеханов, за которым прочно закрепилось прозвище *Alter ego* Маркса, был одним из столпов русского марксизма, обладавшим колоссальным влиянием на процессы революционного движения в России конца XIX — начала XX в. Вышедший из народнических кругов, где прошел свою первую серьезную школу политической борьбы и где начинал шлифоваться его талант мыслителя и революционного идеолога, он всю остальную жизнь отдал верному служению интересам рабочего класса и развитию марксистской теории социализма. В своей просветительской и популяризаторской деятельности Плеханов стал для России проводником западноевропейской культуры и философской мысли. Он заботился о том, чтобы сокровища мировой культуры становились достоянием масс. Свои идеалы, их духовные истоки, почву, на которой он формировался как личность, он определил сам, назвав имена Герцена, Белинского, Писарева, Сеченова, Чернышевского. Роль последнего он ценил особенно высоко⁶. Получив в наследство этот бесценный груз, а затем дополнив его знанием общечеловеческой истории мысли, он выбрал себе в качестве главного жизненного пути роль подвижника, борца за освобождение трудящегося человечества.

Плеханова принято считать ортодоксальным марксистом. Как активный участник народнического движения он был хорошо знаком с идеями русского крестьянского социализма. Кри-

⁶ В идейном отношении Плеханов был близок к некоторым представителям русского эмпириокритицизма, в наибольшей мере — к Л. Аксельроду. И, что характерно, он не принял учения Л. Толстого, мораль которого полностью отрицал как чуждую реальной жизни. Современники отмечали, что на формирование Плеханова влияли и некоторые западные мыслители. Он заимствовал у Конта его известное деление истории на периоды, у Дюринга — идею воздействия личностей на настроения масс и ход истории.

зис народнической идеологии, уверенность в необходимости для России капиталистического пути развития, события первых пореформенных десятилетий привели его в конце концов на позиции марксизма. Плеханов увидел огромные потенции, заложенные в этом продукте западноевропейской мысли, которые, по его глубочайшему убеждению, могли и должны были быть развиты на конкретном материале России.

Активная деятельность Плеханова началась в эпоху крупных событий в стране и мире. Его первые шаги как теоретика марксизма и организатора рабочего движения совпали с нарастанием революционной ситуации в России, с глубоким идейным кризисом, выдвинувшим на первое место задачу критики и либерального народничества, и «легального марксизма», и «экономизма», и ревизионистской деятельности недавних приверженцев марксизма.

Плеханову принадлежит первый в марксистской литературе глубокий критический разбор субъективного метода в социологии [105; 107]. Последовательный и всесторонний анализ народнического субъективизма дал импульс к обоснованию им идеи объективной необходимости и закономерного характера исторического процесса. Это позволило провести четкое различие между желаемым и возможным в деятельности людей, показав таким образом, что не действительность должна подгоняться под мысленно конструируемый идеал, а идеал как программа действий должен строиться на основе выявления объективных характеристик действительности.

Весомый вклад был сделан Плехановым в развитие марксистского направления в социологии. В его огромном теоретическом наследии, включая работы полемического характера, выступления в публицистических изданиях, можно вычленить направления исследований, по праву ставящие его в ряд крупнейших социологов. Плеханов явился родоначальником разработки на основе принципа материализма в истории традиционных в мировой социологии проблем: социологии личности, социологии искусства и социальной психологии (или социологии на психологической основе), социологии познания, философии истории. Его работы по истории, теории и методологии марксизма и мировой общественной мысли содержат ценный материал для историка социологии.

К сожалению, пока нет исследований, в которых деятельность Плеханова-социолога была бы предметом специального анализа. А упоминания на этот счет, встречающиеся в литературе, слишком лаконичны: под социологией же при этом понимается то, что принято считать в марксизме общесоциологической теорией — исторический материализм. Социологический аспект деятельности Плеханова составляет органическую часть всех его трудов как теоретика-марксиста. Объективный анализ вклада в социологию предполагает изучение его мировоззренческих установок, связей теоретических работ с решением прак-

тических задач, особенностей его творческой лаборатории, предпочтений, которые он отдавал тем или иным вопросам при изучении общества.

Для Плеханова марксизм — форма материализма, в которой понимание мира, заложенное еще Демокритом (построившим свое мирозерцание на основе учения ионийцев), достигло высшей ступени. Его отличало понимание важности теоретического знания, к осмыслению природы которого он постоянно обращался. Преемственность и новизна в науке, традиции и новаторство, отношение метода и теории — диалектическая природа этих сторон познавательного процесса постоянно находилась в центре его внимания. В этом русле находятся и размышления о марксизме как форме теоретического знания.

Отвечая многочисленным своим оппонентам, упорно насаждавшим версию, согласно которой марксистская теория есть одна из разновидностей экономического учения, Плеханов дал следующее разъяснение: марксизм — не просто экономическое учение. Он не является также суммой экономического учения и исторической теории. Экономическое учение Маркса насквозь пропитано исторической теорией, и «Капитал» — не только экономическое, но и историческое сочинение [103, 3, 197].

Работы Плеханова по теории и истории марксистской мысли отличаются особой глубиной проникновения в ее сущность, стремлением как можно более точно понять систему ее принципов без каких-либо произвольных трактовок. Ему принадлежит наиболее глубокое понимание диалектического метода, его места в структуре марксистского учения. Все это послужило той базой, на которой Плеханов смог проявить свое творческое отношение к марксизму и использовать его для самостоятельного осмысления исторических событий других эпох и других обществ. Плеханов-теоретик внес серьезный вклад в развитие ряда фундаментальных положений классического марксизма.

Особого внимания с точки зрения истории социологии заслуживает его понимание социализма, который он относил к самым важным из великих вопросов своего времени. «Что же такое социализм, что такое этот страшный вопрос, не существующий лишь для людей, спящих беспробудным сном?» — спрашивал он, начиная задуманный им обширный труд по истории социализма [108, 1, 51]. Свою сознательную жизнь Плеханов начинал с того, что пытался в учениях идеологов русского крестьянского социализма найти путь к преобразованию существующего социального строя. Его уход из народнического движения — следствие глубокого разочарования в социалистических идеалах, потери веры в возможности совершенствования социального устройства в России через крестьянскую общину, которая, по его мнению, столь же далеко отстояла от коммунистического общества, как и поддерживаемая царскими штыками и розгами барщина, принимаемая иными за форму традиционного русского коллективизма.

Перейдя на позиции марксизма, он вновь обращается к идее социализма, но уже как к предмету строго научного анализа. Опираясь на свой опыт участия в народническом движении, он размышляет о том, каким образом открытые Марксом законы истории могли бы быть применены к конкретным условиям России. Он крайне осторожен в вопросе о возможных социалистических преобразованиях в стране, опасается социальных экспериментов, будучи твердо убежден: Россия к социалистической революции не готова. Поэтому, если случится вдруг, что при стечении благоприятных обстоятельств революционному меньшинству удастся захватить власть, то исход может быть один: страна придет к политическому уродству. Подобные примеры уже знала история (в древнем Китае, других странах). Теперь у этого явления будет лишь другое — российское — лицо. Народ в итоге получит что-то вроде обновленной формы царского деспотизма на коммунистической подкладке.

Плеханов всегда помнил мудрые слова Энгельса, считавшего несвоевременно совершаемые революционные перевороты крайне опасными по своим трагическим исходам. Власть победителей, и это хорошо понимал Плеханов, не может удерживаться на случайностях, ее надежность и прочность могут быть обеспечены лишь объективными условиями. С этими мыслями-прогнозами самым тесным образом была связана и уверенность Плеханова в бесперспективности социалистической революции в одной стране, ибо за ней неизбежно последует реставрация [106, 25, 269].

Логическим продолжением темы социализма были его взгляды на отношения России и Запада, красной нитью проходящего не только через все творчество, но и всю его жизнь. Он ясно осознавал невозможность для отсталой крестьянской страны скорого перехода к социализму. В России европеизма, увы, мало — так подытожил он свои первые впечатления по приезду на родину после 37-летнего пребывания в эмиграции. В 1917 г. в самый разгар революционной стихии Плеханов наблюдает, как вожди революции — и большевики и меньшевики — идут на поводу у нетерпеливых и озлобленных масс. Это приводит его в смятение: мог ли он ожидать такого развития событий, которые в каком-то смысле были результатом и его усилий, многолетней политической борьбы, его огромной умственной работы как теоретика социализма?

Отрицательное отношение к октябрьскому перевороту вытекало из его твердой убежденности, что в России нет почвы для перехода к социалистическому типу отношений. «Русская история еще не смогла той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма», — заявил он в июне 1917 г. Мечта о социализме в России — вредная утопия, ибо, для того чтобы приобрести реалистические черты, ей недостает двух условий: необходимого для перехода к социализму уровня развития производительных сил и столь важной для воплоще-

ния этой идеи в жизнь степени сознательности — и не одного образованного меньшинства, а всей массы населения страны. «Диктатура Смольного института» — затея нелепая и чрезвычайно опасная. В качестве ее неизбежного исхода он предсказал разгул в стране контрреволюции.

Общая оценка Плехановым результатов и перспектив октябрьского переворота, как показал ход истории, во многом оказалась верной. Но его предостережения не имели силы, ибо разбушевавшаяся стихия требовала от победителей немедленного принятия решений. Предложенная Плехановым в 1917 г. программа выхода из кризиса имела реформистский характер, в сложившейся ситуации для ее осуществления не было объективных условий. Крупный теоретик марксизма, признанный вождь русского революционного движения становится окончательным врагом Ленина, заняв позицию абсолютного отрицания проводимой им политики. При этом, с другой стороны, он отказался от предложения войти в состав контрреволюционного правительства России, вообще от любых форм прямой борьбы с советской властью и в полнейшей изоляции от политической жизни умер у себя на родине вскоре после бурных событий Октября 1917 г.

Может ли социализм стать реальностью на Западе раньше, чем Россия приблизится по своему развитию к такой возможности? Что может дать ей победа социалистической революции в других странах? Пойдет ли она за ними? Нет, говорит Плеханов, никакими внешними силами не может быть навязан новый строй стране, имеющей свою богатую историю, традиции, свой хозяйственный уклад. Оптимальный путь к социальному прогрессу следует искать лишь на основе досконального изучения внутренних механизмов, опираясь на которые только и может совершаться движение в нужном направлении.

Цель, поставленная Плехановым-социологом, — противопоставить социологию научную ее утопическим разновидностям. Его социологические изыскания самым тесным образом переплетаются с разработками в области теории и методологии исторического познания. Обсуждение в его полемических работах вопроса о природе исторического знания есть в то же время и размышление о предмете социологии, связях истории с социальной психологией и другими областями науки. Так, подвергая критике исторические работы Лакомба, он утверждал (в ответ на заявление, что история не наука, а всего лишь эрудиция): история может и должна стать наукой, но для этого она должна изучать не единичное, а общее, не индивидуальную психологию, а коллективную, поведение масс, толпы. И ключ к психологии масс должны дать теория подражания и знание экономических процессов.

В своих размышлениях об истории Плеханов подчеркнул ряд моментов, имеющих принципиальное значение для развития теоретической социологии. Здесь особый интерес представляют,

в частности, его суждения о диалектически противоречивых отношениях между историей и психологией, о целесообразном характере последней по отношению к законам истории; мысли об общественном сознании как процессе, участником которого, «осознавая себя *причиной последующих событий*, крайне редко возвышаются до сознания себя следствием предыдущих» [106, 8, 266]. Общее решение вопроса о взаимоотношениях истории и социологии Плеханов искал, используя марксистский принцип материализма в объяснении истории. Этот подход к истории, названный им алгеброй общественного развития [106, 18, 236], стал основой для решения самых общих задач теории социологии. Таким образом, к компетенции общесоциологической теории (в его понимании исторического материализма) он относил не установление причин отдельных социальных явлений, а поиск адекватных средств, необходимого методологического ключа к объяснению этих причин.

Разработка Плехановым вопросов исторической причинности дала возможность внести существенные уточнения в теорию социального детерминизма. Им были выделены три уровня причинности: *наиболее общие* причины (явления, связанные с производительными силами как главной движущей силой в развитии человечества); *причины особенные* (явления, порождаемые первой группой причин: те конкретно-исторические условия и обстоятельства, которыми определяется развитие производительных сил каждой отдельной страны или социальной общности); *единичные причины* (качества отдельных личностей, а также же различного рода случайности, «благодаря которым события получают, наконец, свою индивидуальную физиономию») [103, 2, 232].

Для развития теоретической социологии важное значение имеют поставленные в трудах Плеханова вопросы методологии научного предвидения в социальном познании. Научное предвидение в его понимании — это не составление точных прогнозов общественных процессов, а выработка представлений об их направленности и тенденциях. Он настаивал на необходимости четкого разграничения таких явлений, как направление и общие результаты исторического развития, с одной стороны, и содержание отдельных исторических событий, из которых складывается реальный исторический процесс, — с другой. Такое различие он считал необходимым для выявления сущностных характеристик научного предвидения, которое, по его словам, «отличается и всегда будет отличаться очень малой точностью во всем том, что касается предсказания отдельных событий, между тем как оно обладает уже значительной точностью там, где надо определить общий характер и направление общественных процессов» [106, 11, 85].

Для обоснования принципа материализма в истории Плеханов использует богатый фактический материал, множество статистических сведений из самых разных сфер хозяйственной

жизни России: о положении на внутреннем рынке, развитии фабричного дела, кустарных промыслов, о признаках разложения сельской общины и непрерывном количественном росте российского рабочего класса. О характере, объеме и методических сторонах использования такого материала дает представление его работа над оставшейся в рукописи статьей «Что такое социализм?». Чтобы ответить на вопрос: как осуществляется распределение в современном обществе?, он собрал огромный фактический материал, распределив его по рубрикам: «Рост богатства», «Плата прислуге», «Заработная плата», «Необходимая пища», «Безработица», «Богатство», «Смертность», «Преступность», «Самоубийства» [108].

Большое место в теоретическом наследии Плеханова занимают вопросы социальной психологии. Специалисты следующим образом характеризуют значение разработки в его трудах проблем этой дисциплины: он дал обобщающую характеристику психологических особенностей отдельных исторических периодов, настроений времени и духа эпохи [100, 25]. Знакомство с тем, каким образом в работах Плеханова обсуждаются социально-психологические проблемы, дает возможность убедиться в полной обоснованности подозрений его оппонентов в якобы незнании им достижений социологии. Если в чем и можно упрекнуть Плеханова (с известными оговорками), то это в их игнорировании. Ему были хорошо известны работы по социально-психологической проблематике, и если он не всегда использовал эти знания в своих полемических выступлениях, то прежде всего потому, что не все они, с его точки зрения, отличались необходимой теоретической глубиной.

Плеханов не разделял взглядов Тарда на цементируемую подражанием толпу, которая в качестве некоего низшего образования противостоит культурной личности — носительнице высших начал социальности. Он в принципе отрицал трактовку массы, толпы как чего-то аморфного, бесструктурного, видя в этих явлениях конкретно-исторические образования, формирующиеся на классовой основе. Он видел в них совершенно определенный исторический продукт развития конкретной страны и каждой отдельной эпохи. Начинать анализ любых массовых движений он считал необходимым не с толпы, а со скрепленных классовыми интересами коллективов, которые и есть основные общественные образования [106, 8, 251—252].

Классовые коллективы — не образования низшего порядка; по отношению к культурной личности они, как считал Плеханов, представляют более высокий тип организации, поскольку каждая личность в своих характерных чертах есть прежде всего результат общеклассового развития, а не простое индивидуальное явление. Отвечая на распространенный в то время тезис своих идейных противников, считавших, что общинность губительна для развития индивидуальности, он доказывал, что, напротив лишь в условиях единения, союза происходит укрепление ума и

воли человека. Коллектив формирует основные типы индивидуального поведения, влияет на ускорение, увеличивает интенсивность действий людей; между переживаниями и поведением индивидов в условиях их пребывания в коллективе и вне его имеется существенное качественное различие [106, 2, 119]. «У Маркса проблема истории в известном смысле была психологической» [106, 168] — опираясь на такое представление, Плеханов приходит к мысли о целесообразности психологии общества по отношению к законам истории, о диалектически противоречивых отношениях — не результат сознательной деятельности отдельных личностей, любые изменения происходят как следствие совокупных усилий всех членов общества и часто в нежелательном для них направлении [106, 169]. Отвечая на слова Лакомба: «Близорукая толпа не понимает своих исторических интересов», Плеханов подчеркивал необходимость превращения истории в науку (а пока, считал он, это всего лишь эрудиция, она преподносит факты, а не их объяснения). Для этого, по его мнению, необходимо изучать коллективную психологию, ключом к которой служат закон подражания и явления экономического порядка [103, 235].

Плеханов не признавал того направления в социальной психологии, которое рассматривает нации, народы как вне- или надклассовые явления; считал, что социальная психика как свойство всего общества или народа — понятие абстрактное и потому неприменимо к конкретным формам психологической жизни людей определенных исторических эпох. Примеры, подтверждающие эту мысль, он находил, в частности, в истории отношений между крестьянами и феодалами Франции. Обращаясь к примерам из истории ли российского дворянства или пуритан в Англии, он обосновывал свою точку зрения, согласно которой поведение человека не может быть сведено к подражанию. Большую роль здесь играют противоречия, неизбежно возникающие, в отношениях между людьми на почве классовой принадлежности.

В работах Плеханова, посвященных проблемам литературы, искусства, истории культуры, было высказано немало принципиальных теоретических положений, в которых отражено понимание механизмов художественного творчества и развития культуры. Анализ его статей о творчестве русских писателей (Короленко, Горького и др.), французской драме, европейской живописи, по вопросам отношений между искусством и общественной жизнью и многим другим дает основания считать его основателем марксистской традиции в социологии искусства и художественной культуры.

Теория личности Плеханова опирается не только на его огромную эрудицию в области гуманитарных наук и мировой политики, но и на преимущества диалектического метода, что позволило подвести определенный итог длительной дискуссии по

этой сложной и запутанной проблеме. Его статья «К вопросу о роли личности в истории» не была чисто академическим трудом, а явилась прямым ответом на обсуждение проблемы личности в современной ему научной и публицистической литературе. Непосредственный повод к ее написанию исходил от русских социологов, в том числе и представителей субъективной школы (главным образом от них). Концепции Михайловского, построенной на анализе поведения «активных» героев и «пассивной» толпы, теории критически мыслящей личности Лаврова Плеханов противопоставил марксистскую трактовку, основанную на объективном понимании исторического процесса. В противоположность утверждениям представителей субъективного метода он не придает личности значения главной движущей силы истории, а видит в ней элемент общественно-исторического процесса, начинающий играть в нем существенную роль «лишь тогда и постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения». Личность не способна устранить существующие экономические отношения, если они находятся в соответствии с состоянием производительных сил; она не в силах менять общее направление исторического движения, а может лишь вызвать изменения частного характера, влиять на «индивидуальную физиономию событий, некоторые частные их последствия» [105, 2].

Намеченные в работе «К вопросу о роли личности в истории» линии, по которым в первую очередь наука должна оценивать личностный момент в функционировании общественных структур, касаются наиболее существенных моментов процесса взаимодействия индивидов с социумом, характеризующегося наличествующим в каждый момент истории органическим единством целого (социума) и составляющих его элементов (индивидов) с объективно присущими им функциями.

Чем определяется выдвижение личностей в ряд героев, «знаменитостей», т. е. каковы объективные основания известности, приобретаемой отдельными людьми в обществе? Всегда ли социальный статус, престиж личности адекватен его собственному интеллектуальному, моральному, материальному потенциалу? На эти и другие поистине «вечные» вопросы Плеханов пытается дать ответ, оценивая роль личности с точки зрения диалектико-материалистического принципа социального детерминизма и обусловленного им понимания роли случайностей в истории, взаимоотношения возможности и действительности. На основе такого подхода он ищет ответ на вопрос, каким образом личность даровитая или бездарная продвигается по иерархическим ступеням в соответствии с конкретным господствующим на каждом этапе истории типом организации общества (частью которого она является). Система связей, структура сложившихся экономических, правовых, нравственных и т. д. отношений, конкретные условия каждого общества определяют возможности реализации личностью заложенных в нее природой способно-

стей. Крупные личности, чьи имена входят в историю, выдвигаются и поддерживаются общественной силой. Но это определяется не только их особыми талантами, мощью внутреннего потенциала, но и, главное, наличием необходимых объективных условий для перехода возможности в действительность (условий, которые способствуют проявлению свойств личности, отвечающих данному состоянию общества, и которые позволяют конкретной личности перешагнуть порог, отделяющий возможность от действительности). Под этим углом зрения обсуждается тема героя, приобретающая особую остроту в момент взрыва массовых движений и участвовавших социальных катаклизмов.

Герой — кто он? Человек, случайно вознесенный судьбой на вершину славы, или индивид, в поведении которого особым образом скрестились линии движения различных сил и этим определили единственный, личный, только перед ним открывшийся путь к славе? Ответ Плеханова: герой (Карлейль назвал его «начинатель») не изменяет бессознательно ход вещей, а выражает его свободно и сознательно в своей деятельности. «В этом все его значение, — подчеркивает Плеханов, — в этом вся его сила. Но это — колоссальное значение, страшная сила» [134].

В связи с разработкой основ теории личности Плеханов дал определение одной важной закономерности, получившей у него название случайности второй степени: уникальные черты личностей, в силу объективных обстоятельств оказывающихся выдвинутыми в центр исторических событий, определяют конкретное лицо этих событий. Их влияние формирует вкусы и настроения в обществе, систему ценностей и приоритетов, существенных для развития определенных сфер жизни, но не первостепенных с точки зрения объективного хода истории.

Социологам предстоит большая работа по изучению вклада Плеханова в собственно социологическое знание. Масштаб его личности, противоречивость оценок, даваемых ему людьми самых разных убеждений и политических пристрастий, делают эту задачу особенно трудной. Специалисты, не разделявшие принципов марксизма, связывали его имя главным образом с критикой субъективной социологии, предъявляя ему серьезное обвинение в незнакомстве с мировой социологией после Конта. Не принимая идеи диалектико-материалистического монизма, составляющего стержень всего учения Плеханова, Геккер определил ее как априорную метафизическую предпосылку, зараженную догматизмом. Эту далекую от объективности, лишенную аргументации оценку с легкостью подхватил Кареев, известный своей негативной позицией по отношению к марксистской мысли.

О Плеханове много спорили и русские марксисты. Масштаб его личности, весомость его вклада в теорию марксизма, его беззаветная преданность идее, которой он сознательно и страстно служил всю жизнь, — все это бесспорно. Споры начинались с деталей. Для одних Плеханов был признанным продолжа-

телем (первым после Энгельса) теоретической деятельности Маркса; другие оспаривали это утверждение, считая первым не его, а Лафарга. В России его критиковали большевики за меньшевистские взгляды. Меньшевики осуждали за колебания в сторону большевизма. Историки марксистской мысли посвятили множество страниц доказательству ошибочности его теоретических взглядов, «порочности» линии, не совпадающей с линией ленинизма. Все это оставило открытым множество важнейших вопросов.

«Огромный творческий ум, энциклопедическое образование, фантастическая преданность идее», «наша единственная гордость за русскую культуру» — так характеризует Плеханова Потресов, видный деятель русской социал-демократии, той ее части, которая не приняла Октябрьской революции, осудила Ленина как политического авантюриста и продолжила в эмиграции размышлять о судьбах русского социализма и русской культуры. Плеханов, по словам Потресова, продолжил в русской культуре линию просветительства, идущую от Белинского, Чернышевского и Добролюбова, и оказался для России таким же недоразумением, как и Маркс, «умной несуразностью», «эмбрионом того, что будет, еще разовьется, но чего еще нет» [109, 41].

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ДЕ РОБЕРТИ⁷ (1843—1915)

Е. В. де Роберти — крупнейший представитель русского позитивизма в социологии, стоявший у истоков социологической науки, прошедший вместе с ней почти весь путь — от ее основания до появления в России нового течения — неопозитивизма. Он был одним из признанных всеми мэтров отечественной социологии, оказавших заметное влияние на новые поколения социологов. Много сделавший для популяризации в России и на Западе позитивистской доктрины, он внес свой вклад и в ее творческое развитие. Во всех солидных исследованиях западных социологов конца XIX — начала XX в. имя де Роберти постоянно присутствует со ссылками на его идеи. Отличительная особенность его теоретической деятельности состоит в том, что он был единственным в своем роде социологом-философом, разрабатывавшим проблемы теории познания и занимавшимся обоснованием критериев разграничения сфер философского и социологического знания, отстаивая право каждой из этих наук на самостоятельное существование и развитие.

Де Роберти был широко известен в России и за рубежом своей педагогической деятельностью, а также активным участи-

⁷ В настоящем очерке использованы материалы дипломной работы, выполненной под руководством автора настоящей книги студенткой социологического факультета Московского государственного университета (См. Климова Т. Социологическая концепция Е. В. де Роберти. 1992).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Раздел I. ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ	7
Институционализация социологии	21
Социологическое образование	23
Высшая русская школа общественных наук в Париже	28
Раздел II. НАПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	36
Позитивизм	36
Неопозитивизм	41
Субъективная школа	46
Марксистская социология	54
Неокантианство	67
Религиозная философия	73
Раздел III. СОЦИОЛОГИ РОССИИ	79
Николай Иванович Зибер (1844—1888)	79
Николай Иванович Кареев (1850—1931)	85
Максим Максимович Ковалевский (1851—1916)	93
Петр Лаврович Лавров (1823—1900)	107
Николай Константинович Михайловский (1842—1904)	117
Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918)	125
Евгений Валентинович де Роберти (1843—1915)	135
Питирим Александрович Сорокин (1889—1968)	146
Заключение	162
Приложение	165
Литература	174